

DOI: 10.31857/S241377150009502-5

Слово и язык как проблема в романах Алексея Иванова

© 2020 г. Л. А. Колобаева

Доктор филологических наук,
заслуженный профессор Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1
l.a.kolobaeva@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию 06 февраля 2020 г.

Дата публикации: 30 апреля 2020 г.

Резюме. Лингвистические процессы, отражающие социокультурные трансформации последнего времени, обусловили особое внимание ряда современных русских писателей к аксиологии и онтологии языка и слова. Тревога по этому поводу лейтмотивом проходит сквозь ряд сочинений А.В. Иванова (“Географ глобус пропил”, “Общага на крови”, “Псоглавцы” и др.). В романе “Блуда и МУДО” эксплицируется “вербальный кризис” современного русского языка, который коренится в разрыве связи *слова со смыслом и действием*. Образно это реализуется в развитии пародийно-авантюрного, сатирического сюжета, при котором *несуществующее* заявляет себя как *существующее*. В романе “Пищеблок” подобный кризис являет себя через несовпадение категорий “правильного” и “подлинного”: *правильное* здесь — *ненормально*. В историческом романе-мистерии “Летоисчисление от Иоанна” сила слова заключается не в его значении, а в самом перформативном акте “именования” злого деяния. Автор подчеркивает особую актуальность именно этого аспекта концепции языка по А.В. Иванову.

Ключевые слова: Алексей Иванов, концепция языка, вербальный кризис, деградация, обесцененная лексика в литературе.

Для цитирования: Колобаева Л.А. Слово и язык как проблема в романах Алексея Иванова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 2. С. 13–18. DOI: 10.31857/S241377150009502-5.

The Word and Language as a Study Problem in Aleksei Ivanov's Novels

© 2020 Lidiya A. Kolobaeva

Doct. Sci. (Philol.),
Distinguished Professor at the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
l.a.kolobaeva@gmail.com

Received by Editor on February 06, 2020

Date of publication April 30, 2020

Abstract. Linguistic processes reflecting social-and-cultural transformations of recent years have drawn close attention of a number of contemporary Russian writers to axiology and ontology of the language and the word. Certain concern about that repeatedly eventuates in a number of works by A.V. Ivanov (“Geograf globus propil”, “Obschaga na krovi”, “Psoglavtsy”

["A Geographer Swapped the Globe for Drink", "A Hostel on Spilled Blood", "The Dogheaded"]). In his novel "Bluda i MUDO" ["A Bawd and the JOINT"] he explicates the 'verbal crisis' of the modern Russian, which springs from estrangement of the word from the meaningful content and acts. On the imagery level, this tendency is manifested through mock-adventurous, satirical plots, in which the nonexistent pretends to stand for the real. In the novel "Pishcheblok" ["A Cookshop"], such a crisis realizes itself via the clash of categories of the 'correct' and the 'real', where the 'correct' stands for 'abnormal'. In his historical novel-mystery "Letoischisleniye ot Ioanna" ["A Chronologie from Ioannes"], the word's power comes not from its meaning, but instead from the performative act of naming of an evil deed. The article emphasizes the particular relevance of this aspect of the concept of language inherent in Aleksei V. Ivanov's writing.

Key words: Aleksei Ivanov, the concept of language, verbal crisis, degradation, obscene lexicon in literature.

For citation: Kolobaeva, L.A. *Slovo i yazyk kak problema v romanakh Alekseya Ivanova* [The Word and Language as a Study Problem in Aleksei Ivanov's Novels]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 2, pp. 13–18 (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150009502-5.

Слово и состояние русского языка в последнее время стали привлекать к себе особое внимание далеко не только ученых-филологов. И это неслучайно. Нельзя не заметить в нашем языке сегодня переизбыток иноязычных слов, бесцеремонно вторгающихся в русский, воздействия на него крикливых рекламных речений, а также того, что питается неразборчивой радостью молодых от ощущения речевой новизны в интернете. Модный теперь в культурных сферах и почти общепризнанный приоритет *визуального над слышимым* (в основе — оправданный) располагает к снисходительности вкуса к *звучанию* слов-пришельцев (вспомните и произнесите вслух, например, *лающие лайки* или укуренные, будто ампутированные, словечки типа *фотки* и проч.). Однако профессионалы-лингвисты, как правило, нас успокаивают: наш язык, великий русский, все это переживет, необходимое усвоит, преобразует и приспособит. На тему природы языка ныне разрабатываются специальные диссертационные исследования, не только лингвистические, но и литературоведческие. Автор одной из последних таких диссертаций, серьезного литературоведческого труда, М.А. Хлебус приходит к заключению о различных высоких функциях русского языка в художественном осмыслении М.П. Шишкина — в рассказе "Урок каллиграфии" (1993), в романе "Взятие Измаила" (1999), эссе "Спасённый язык" (2001), в романах "Венерин волос" (2005) и "Письмовник" (2010), где, по мнению диссертанта, утверждается обобщающая мысль художника о "языке как образе *миропорядка*" [1, с. 13]. В диссертации констатируется: "Слово наделено

миросозидающей и гносеологической функциями, что стало общей идеей в современной прозе, посвященной природе языка. В произведениях Иличевского, Шишкина, Элтинг язык наделен витальной силой, потенциалом порождения, для Шишкина язык — эквивалент времени; для Иличевского язык имеет пространственное содержание" [1, с. 12].

Однако подобные оптимистичные и умиротворяющие голоса перебиваются совсем иными. Это наблюдения тех, кто следит за нынешними формами нашей общественной жизни, за языком улицы, бытующим разговорным и его формами словоупотребления. Как в случае с профессором Г.Ч. Гусейновым, возмущившимся в соцсетях "клоачной" практикой уличной речи, что вызвало, как известно, взрыв общественного негодования.

Нужно сказать, что критические наблюдения и мысли о языке носят отнюдь не случайный и не частный характер. Своего рода тревога по этому поводу звучит в романах А.В. Иванова. В романе "Блуда и МУДО" говорится даже о "*вербальном кризисе*" современного русского языка [2, с. 196]. Размышления о состоянии языка в наши дни ощутимы во многих романах писателя: "Географ глобус пропил", "Общага на крови", "Пищевлок", "Псоглавцы" и др.

"Блуда и МУДО", "современный плутовской роман", по своему замыслу весьма точно охарактеризован самим автором: «В провинциальном городе Ковязин молодые педагоги МУДО, бывшего Дома пионеров, спасая свое учреждение от закрытия, устраивают аферу: изображают, что в их загородном летнем

лагере полным-полно отдыхающих школьников. Главный герой, философ и бонвиван Борис Моржов, путешествует по прежним любовницам-училкам, как Чичиков по усадьбам помещиков, и “чичит” сертификаты — “мертвые души” несуществующих обитателей лагеря. [...] Но веселый роман формулирует очень серьёзный вопрос: что правильнее — быть успешным или быть подлинным?» [2, с. 4].

Размышления автора романа о *подлинности* и *неподлинности* человеческой жизни включают в себя и его раздумья о *языке*, о его кризисном состоянии. Кризис современного языка, как это мыслится в романе, коренится в разрыве связи *слова* с его сутью, *смыслом* и под-сказанным им *действием*. “Кризис вербальности, — думает главный герой романа художник Моржов, — состоит в том, что *слово* потеряло способность становиться *Делом*” [2, с. 94].

Образно это реализуется в развитии пародийно-авантюрного, сатирического сюжета, главный мотив которого можно обозначить так: *несуществующее* заявляет себя как *существующее*, *мертвые души* предстают как *живые*.

Заброшенный летний лагерь выдается за *действующий* (виной тому “пренеприятнейшее известие”: в лагерь, разрекламированный колязинским “департаментом образования”, приезжают американцы). Переключка с Гоголем, с “Ревизором” и “Мертвыми душами”, совсем не случайна. Однако глубинная суть и загадка подобного сюжета скрываются отнюдь не в давно прошедших временах и фантазиях Гоголя. Дело в истории недавней (а “история — значит судьба”, по выражению философствующего героя) [2, с. 42]. Это история советская (неизжитая и теперь), когда нечто несуществующее и нереальное — “Призрак Великой Цели”, призрак коммунизма, — признавалось *реальным* и даже близким к *осуществлению*. Подобная общественная практика вела к тому, что в случаях, когда непосредственное *знание* жизни (от увиденного и пережитого лично-стью) не совпадало с привычными *идеологемами*, резко расходились между собой *слово* и *мысль*, в нём скрытая. Это и питало разного рода кризисные явления в жизни языка. По мнению героя книги, “язык перестал быть *транслятором ценностей*. Остался просто средством коммуникации. Теперь в каждой фразе приходится искать подтекст” [2, с. 94].

И Моржов разгадывает и уличает фальшь в “подтексте” речи многих окружающих. Особенно успешно — в словах и обещаниях

Манжетова, важного начальствующего лица, от которого зависит судьба летнего лагеря со всеми его работниками, педагогами. В первой же речи Манжетова, начальника департамента образования, угадывается игра опытного актера в роли реформатора, модернизатора и свободомыслящего демократа:

У нашей власти, и мы все знаем о ней, есть генетическая особенность, — доверительно сказал он хорошо поставленным сочным голосом. — Едва обстановка в стране успокоится, власть сразу же отрывается от общества. Ну так давайте вместе поворачивать власть лицом к людям! Общество должно контролировать администрацию!

Моржов от удовольствия расплылся по стулу. Во! Местомением “мы” Манжетов ловко прочертил линию фронта так, что оказался на одной стороне с народом, который сам же и виноват в том, что власть им пренебрегает. А лично Манжетов здесь не при чем. /.../ [2, с. 27].

Концовка речи Манжетова с предложением сделать общим девизом слова “инновации”, “модернизация” и “оптимизация” вызвала в зале шумную реакцию — “опасливый гул” и реплику старого педагога-интеллекта: «Под терминами “модернизация” и “оптимизация” обычно скрывается тривиальный процесс сокращения кадров! — дрогнув голосом, громко сказал Костёрч» [2, с. 37].

Слово персонажей сатирического, “плутовского” плана в романе являет себя *словом-маской*, словом *неподлинным*. Особенно выразителен в этом отношении кульминационный диалог Манжетова с Моржовым о судьбе лагеря, куда с разгромной целью направляется комиссия [2, с. 410–414].

Манжетов готовится открыть — с выгодой для себя, разумеется, — модный Антикризисный центр дополнительного образования, для чего собирается разогнать старый (“МУДО”), вместе с лагерем. Моржов решается этому противодействовать. Вот отрывок из их кульминационного диалога:

— Чем же вас не устраивают мои идеи? — усмехнулся Манжетов.

— Тем, что ради собственной выгоды вы приносите в жертву и без того жалкий недостаток многих других людей [2, с. 413].

Моржов сказал всё открыто. И Манжетов этот удар выдержал.

— Вы, я гляжу, альтруист? — *саркастически*¹ осведомился он [2, с. 413].

¹ Здесь и далее курсив в цитатах — автора статьи (Ред.).

В этом “серьезном разговоре” не раз резко меняются тон и стилистика речи Манжетова. Выразительна при этом игра автора со множественностью речевых ремарок: “хладнокровно”, “задумчиво”, “саркастически”, “аккуратно”, “дипломатично”, “вдруг совсем по-дружески”, “сердечный тон”. Происходит стремительная, почти хамелеоновская, смена речевых смыслов, изменение самого отношения к собеседнику, с вариацией вызовов и предложений-ловушек. Хладнокровное указание начальника на субординацию вскоре исчезает: оценив ум и решительность собеседника, Манжетов переходит к тону дружескому и даже “сердечному”. Затем с легкой лестью предлагает “модному художнику” место в Антикризисе, — а это “называется подкуп оппозиции” [2, с. 415], как точно парирует Моржов. Наконец Манжетов заканчивает беседу ошеломительным предложением “объединить усилия”, стать союзниками в общем деле [2, с. 419], что отвергается противником и разом обрушивает диалог.

Слово в устах подобных персонажей (Манжетов, Шкиляева, Каравайский и др.), циничных и “успешных” чиновников, оказывается лживой маской и средством манипуляции людьми в достижении собственных целей, целей преуспеяния и обогащения.

Вопрос о языке, о “вербальном кризисе” в разных своих поворотах не перестает волновать Алексея Иванова и звучит в целом ряде его произведений. В “детском”, так сказать, романе “Пищеблок” он возникает в связи с раздумьями писателя о разрушительной роли идеологии, унаследованной от недавнего советского прошлого и отраженной в образах пионерского детства и общественного воспитания.

Роман строится на соединении двух планов и способов изображения — конкретно-реалистического и фантастического. Описание реальной жизни, быта пионерского лагеря в год Олимпиады, 1980-й, переключается в иной план с появлением фантастических вампиров. Фокус повествования и его сюжетная новизна заключаются в том, что чудовища, пьющие кровь человека, появляются не из снов и видений, не из мифов древних, сказочных времен, а возникают здесь и сейчас, изнутри самой жизни советского образца, из *правильных* мальчиков и девочек — *правильных* пионеров. Образный мотив правильности в романе важнейший. И он не совпадает с мотивом подлинности. Напротив, противоречит ему. В какой-то момент развития сюжета

обнаруживается, как выясняет самый живой и симпатичный читателю и автору мальчик Валерка, что *правильное* здесь — *ненормально*. В реплике умненькой девочки Анастасийки появляется и другой смысловой оттенок того же явления: «Так тут в лагере вообще одни глупости. Совсем слепой что ли? Все эти флаги, линейки, речёвки, “свечки” — это же всё *игрушечное*» [3, с. 295].

Красноречивы здесь *речёвки*, принятые в лагере формы речи. Особенно показательны речёвки старшей пионервожатой Свистуновой с призывом к обязательной бодрости и непрерывному оптимизму:

— “Что вареные, как сосиски! /.../ Шевелись! Шевелись!” [3, с. 305];

— “Не раскисать! Не раскисать!” [Там же];

— “Все в хоровод! Все в хоровод!” [Там же].

Понимание “правильного” в лагере вызывает серьезные сомнения у другого, близкого автору персонажа — студента-филолога, вожатого Игоря. Вот как, например, он раздумывает о жесткости и неестественности принятых здесь неукоснительных запретов:

От Волги лагерь был отгорожен сетчатым забором. Доступ к реке был самым непоколебимым запретом “Буревестника” /.../ Игорь невесело усмехнулся. То, что интересно, всегда оказывалось недозволенным. Нельзя купаться в реке. Нельзя ходить в лес. Нельзя соблазнять девушек. А что тогда делать? Смотреть Олимпиаду по общему телевизору? [3, с. 56–57].

Установленная здесь общая и необходимая “правильность” образцов поведения распространяется не только на пионерские ритуалы, но и на внутреннюю жизнь пионеров, на их мысли и чувства. Вспомним, к примеру, обязательный для всех, ежедневно дословно повторяемый сентиментально-слащавый текст прощания ребят перед ночным сном, который вызывал горькое недоумение Валерки, его сомнение в правдивости и искренности слов этого текста.

И беда в том, что в конце концов именно он, Валерий Лагунов, вызывает недовольство и осуждение вожатых, вплоть до решения выгнать мальчика из лагеря. На собрании его обвиняют в том, что он “отбивается от коллектива” [3, с. 129], “не может укорениться” ни в одном кружке, не помнит о “команде” во время игры в футбол. Внутренняя речь передает его смятение:

Валерка не знал, что сказать. Как-то все запуталось. Он глядел на ребят и понимал, что никто из них и слова не произнесет в его поддержку. Он не совершал никаких плохих поступков. Все выходят за территорию лагеря. Все время от времени с кем-то ссорятся, отлынивают от какого-либо мероприятия, не спят после отбоя. Человек ведь не робот! Его, Валерку, осуждают за то, что он не робот! И осуждают нечестно, потому что сами — тоже не роботы! Только изображают из себя роботов! *А для чего это надо?* [3, с. 131].

Этот персонаж — один из тех немногих, кто задумывается над вопросом, для чего это нужно — изображать из себя “роботов”, абсолютно “правильных”? И его наблюдения за развитием событий, с превращением некоторых пионеров в вампиров, приводят его к неожиданному ответу:

Перед мысленным взором Валерки предстал Лёва Хлопов в брюках, белой рубашке и галстук... Потом Алберт — и тоже в брюках, белой рубашке и галстук... *Образцовые пионеры*, как со смотра строя и песни. — Они... они *правильные!* — Валерка сам обомлел от своего вывода. /.../ *А правильным быть ненормально!* [3, с. 247].

Слова и образы “правильного” и “подлинного” в художественном мире А.В. Иванова, в целом, не совпадают и далеко разведены между собой, нередко противоположны по смыслу. *Правильное* от пионерии — источник не только возможного конформизма, приспособленчества к предписанной идеологии, но и зловещее, вампирическое начало, которое поглощает в человеческой личности ее живительные соки — самостоятельность, разнообразие творческих потенций и свободу мысли. О первоисточке подобного “вампиризма” свидетельствует в романе сквозной и таинственный образ Серпа Иероновича, старейшего почетного пенсионера, когда-то участника Гражданской войны и сотрудника НКВД, — призрак лишенной жизни идеологии.

Заметим, что в образах почти всех симпатичных автору и читателю персонажей романов А.В. Иванова обычно ощутима некая, на первый взгляд, игровая и озорная *неправильность* поведения и речи, но на поверку — нередко глубокая, неуступчивая и серьезная. Вспомним, например, Географа, “пропившего глобус” школьного учителя, с его “непедагогическими” шуточками и непривычными вольностями слов и действий, которые вызывают раздражение в учительском кабинете, хотя озадачивают и привлекают молодежь. Это образ современного *думающего* человека, вдохнувшего ветры свободы девяностых, симптом

воли к освобождению от пут идеологии вместе со всей ее *словесной* бутафорией.

Продолжая разговор о “вербальном кризисе”, нужно коснуться еще одной стороны дела — места и роли обцененной лексики, матерной речи в современном языке, как это преломляется в литературе. Речь из набора *матерных слов* у ряда персонажей занимает определенное и немалое место в произведениях А.В. Иванова, например — в речи Сергея Каликина, “мента” Сергача, или молодого бездельника Ленчика и других подобных персонажей из темного ряда, толпящихся вокруг “бани” с проститутками (“Блуда и МУДО”). В очень серьезный литературный контекст включена подобная речевая практика, как и проблема языка в широком смысле, в романе “Псоглавцы”. “Язык — вербальная фиксация культуры”, — напоминает Лурия, сотрудник Континентального музейного фонда, в беседе с молодыми москвичами, отправляющимися в деревню для спасения редкой фрески со стены старой церкви в деревне Калитино [4, с. 46].

Калитино оказывается забытой кержацкой деревней, мрачным и гиблым местом, отравленным миазмами прошлого, давнего и близкого (истории когда-то заживо сожженного здесь раскольничьего скита, а три века спустя — соседства с лагерной зоной). Тут неслучайно возникает мотив *деградации*, который развивается в романе в реально-бытовом и фантастическом планах. Это деградация культуры и быта, мысли и языка, это конфликт “новых возможностей” времени с явлениями еще живой и тяжелой “первобытности”:

Что такое деградация? Катастрофическое упрощение. Но простая вещь живуча. Сложный компьютер сломать легко, а примитивный молоток — очень трудно. Вот и Калитино, выживая, деградировало в простоту. Нет работы, власти, магазина, дорог, газа, водопровода — ну и что? Их заменили картошкой, воровством, самогоном, мордобоем, дровами. Всё это вечное, потому что элементарное [4, с. 76].

Крайним и конкретным воплощением деградации выступает в романе язык двух персонажей, деревенских “алкашей” (они же и “псоглавцы”) — Сани Омского и Лёхи, у которых осмысленные слова чаще всего замещаются потоком матерщины: знаками согласия или несогласия, некими элементарными звуковыми *жестами*, подобными, по существу, формам первобытной речи.

Объяснения тревог сегодняшней общественной жизни А.В. Иванов активно ищет также, творчески погружаясь в наше давно минувшее, историческое бытие. При этом писатель вовсе не играет остроумными намеками в сопоставлении прошлого и современно-го. Но, наделенный острым художественным инстинктом *подлинного*, реального, он обычно верно идет по следу и помогает нам по-новому почувствовать и пережить даже, казалось бы, давно знакомое. Диапазон творческих интересов А.В. Иванова, как известно, очень обширен и простирается в разные слои времени из далекого прошлого России. Заглянем в одно из таких его повествований о Московской Руси эпохи царя Ивана Грозного (лета 1565 года) — роман “Летоисчисление от Иоанна”.

Как предупреждает автор, “это не историческое повествование, хотя почти все его герои исторические личности...” [5, с. 4]. Другими словами, не всё здесь исторически, фактически реально и достоверно. Это “роман-мистерия”, по авторскому же определению [Там же]. Самым интригующим и художественно значимым в этом повествовании оказывается не царь Иоанн Грозный, а митрополит Филипп. Именно он, и он один, бросает в лицо царю — прилюдно, в храме — слово *правды* о непомерной жестокости чинимых по его воле казней. Замечательно, что автор при этом выделяет одно, решающее, с его точки зрения, обстоятельство: сила *слова* — даже не в открытии заключенной в нем *истины, знания*, а в самом его *провозглашении*, в перформативном акте передачи вести людям, требующем самоотверженной воли говорящего. Мы читаем: “Вся Москва знала то, о чем говорил Филипп. [...] *Нужен был пример служения правде словом*” [5, с. 168]. Подобное слово и есть *слово подлинное, слово правды*. Цена его предельно высока, равна самой человеческой жизни. Это и подтверждается трагической судьбой митрополита Филиппа в изображении А. Иванова.

Такое *слово* — слово *действующее*, что с образной яркостью выражено в романе. Нет, казни в Москве не прекратились после случившегося, после бунта Филиппа и его отказа в благословении царю Иоанну. Но *слово* митрополита Филиппа было *услышано* людьми, услышано народом, и что-то в человеческих душах сдвинулось. В последней главе с символическим названием “Одиночество деспота” выразительно

звучит финальная фраза произведения — одинокий и отчаянный, повторяющийся вопль Грозного, обращенный к “пустому городу”: “Где мой народ?”. Смотреть на казнь, как велено, народ не пришел, *ослушался* царской воли.

Слово подлинное, — не потерявшее способности “транслировать ценности” и становиться *делом*, — взыскуется и сегодня, убеждает нас художник. Так многообразно и настойчиво в творчестве А.В. Иванова, в ряде его романов звучит внушительный голос писателя-гражданина, озабоченного современным состоянием русского языка, заметными его изломами в живом нашем словоупотреблении, в повседневной массовой речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. М.А. Хлебус. Язык как предмет художественного восприятия в прозе М.П. Шишкина и современный литературный контекст. Автореф. дис. канд. филол. наук. — М.: МГУ, 2019. С. 13.
2. А. Иванов. Блуда и МУДО: роман. — М.: Изд. АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.
3. А. Иванов. Пишеблок: роман. — М.: Изд. АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.
4. А. Иванов. Псоглавцы: роман. — М.: Изд. АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.
5. А. Иванов. Летоисчисление от Иоанна: роман. — М.: Изд. АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.

REFERENCES

1. Khlebus, M.A. *Yazyk kak predmet khudozhestvennogo vospriyatiya v proze M.P. Shishkina i sovremennyyj literaturnyj kontekst. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filolog. nauk* [Language as the Subject of Artistic Perception in the Prose of M.P. Shishkin and Contemporary Literary Context. An Abstract of the Diss. Cand. Philol. Sci.]. Moscow, MGU Publ., 2019, p. 13. (In Russ.)
2. Ivanov, A. *Bluda i MUDO: roman* [Bluda and MUDO: a Novel]. Moscow, Izd. AST, Redaktsiya Eleny Shubinoj Publ., 2019. (In Russ.)
3. Ivanov, A. *Pischeblok: roman* [Nutrition Unit: a Novel]. Moscow, Izd. AST, Redaktsiya Eleny Shubinoj Publ., 2019. (In Russ.)
4. Ivanov, A. *Psoglavtsy: roman* [Dog-Headed Men: a Novel]. Moscow, Izd. AST, Redaktsiya Eleny Shubinoj Publ., 2019. (In Russ.)
5. Ivanov, A. *Letoischislenie ot Ioanna: roman* [The John's Chronology: a Novel]. Moscow, Izd. AST, Redaktsiya Eleny Shubinoj Publ., 2019. (In Russ.)